

Ольга Брюс

Река времени

Ольга Брюс

Река времени

«Автор»

2026

Брюс О.

Река времени / О. Брюс — «Автор», 2026

День рождения на природе обернулся катастрофой: муж - с лучшей подругой, в кустах. Арина в ярости бросилась в реку - и вынырнула в прошлом. В настоящем далёком прошлом: холщовые рубахи, работа на барина, ни телефонов, ни привычного мира. Праздник закончился. Началась совсем другая история.

© Брюс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Брюс

Река времени

Глава 1

Вечер опускался на реку мягкими бархатными шагами. Вода, ещё хранящая тепло уходящего дня, казалась расплавленным золотом, в котором отражались силуэты старых ив и далёкая громада колокольни. Воздух был напоен запахом разнотравья, речной свежести и дыма от мангала, где Андрей с друзьями уже вовсю орудовал шампурами в честь дня рождения своей жены.

Арина Орлова, виновница торжества, стояла у самой воды, рассеянно водила босой ногой по мелкой гальке и чувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Ей хотелось одного – рухнуть в кровать после двенадцатичасовой смены у плиты в ресторане, где она работала поваром. Но Андрей, сияющий и довольный, настоял на этом сюрпризе.

– Да ты что, Ариша! Ты только представь, природа, река, мангал! Красотища! – говорил он, и она не смогла отказать.

Гости шумели неподалёку, звон бокалов смешивался с его громким хохотом. Арина мельком взглянула на них: подруга Наташка о чём-то оживлённо спорила с мужем Валеркой, который, судя по всему, уже приложился к коньячку. Наташка поймала её взгляд и подняла бокал, как бы говоря:

– Поздравляю, подруга, этот праздник в твою честь!

– Арина! Иди к нам! – тут же принялись звать именинницу семейства Кузнецовых, Вертюлиных и Ильиных. Но она только помахала им рукой:

– Сейчас приду... Отдыхайте!

Хорошо хоть эта гримза Наталья Петровна не явилась. В памяти всё ещё звенел голос свекрови, которая заявила к ним вчера, как всегда «просто проведать». Она ходила по их квартире, как генерал по полю боя, заглядывала в кастрюли, критиковала нарезку салата, проверяла пыль и, конечно, не удержалась от своей любимой темы.

– Арина, ты чего такая бледная? Тебе бы витамины попить, да и к врачу сходить. В вашем возрасте уже не только о карьере думать надо, а о наследниках. Андрею-то уже за тридцать, пора бы отцом стать.

– Но мне-то ещё не скоро будет тридцать, – ответила ей Арина. – Так что торопиться некуда.

– А я не о тебе говорю, – отрезала свекровь.

Арина перевела взгляд на мужа, но тот только улыбнулся и поторопился усадить свою мамашу за стол, чтобы накормить по-царски, а потом выпроводить восвояси. Арина еле дождалась этого момента, а когда, оставшись с ней наедине, Андрей начал оправдывать мать, говоря: «Ну, она же добра желает», – она не выдержала и выплеснула на мужа всё, что терпела годами: и безропотное поклонение этой госпоже, и постоянное чувство вины, и уколы этой «доброй» свекрови.

– Андрей, почему ты никогда не принимаешь мою сторону? – спросила его Арина. – Она что, не знает, что я перенесла два выкидыша? Ну так напомни ей! Или она думает, что это мне доставило какую-то радость? Зачем она вообще к нам ходит?! Чтобы доставать меня?

– Перестань, солнце моё... Она же моя мать...

– А я твоя жена!!! – вскрикнула Арина.

– Малыш...

Андрей пытался обнять её, но она его оттолкнула, и вечер закончился ссорой. А сегодня он притворяется, что ничего не было, устроил этот грандиозный пир...

– Аришка! Эй, ты чего загрустила? – отвлёк её голос Наташки. – Опять поссорились?

Она понимающе заглянула в глаза Арине и кивнула на болтавшего с друзьями Андрея.

– Что, так заметно? – горько усмехнулась Арина.

– Ещё бы. Уверена, что это Наталья Петровна подзуживает его, всё никак не уймётся, мечтает вас развести. Такая вредная тётка, просто кошмар, – Наташка фыркнула, как это делала всегда, когда злилась. – Помнишь, я ещё на свадьбе говорила тебе об этом.

– Ничего, я уже привыкла, – ответила ей Арина. – Как-нибудь справлюсь.

– Слушай, забей ты на неё. Она просто ложка дёгтя в бочке твоего мёда. Ну, приходит, ворчит, ну и что? Ты сравни: вон мой Валерка, – она махнула рукой в сторону мужа, который пытался спеть что-то под гитару, безбожно фальшивя, – зарабатывает в два раза меньше твоего, пьёт в три раза больше, а его мамаша – ведьма, в десять раз хлеще вашей, но я же как-то живу! А у тебя Андрей – не мужик, а золото. Вон, какой праздник тебе организовал, сам всех созвал и шашлык приготовил просто отменный. Мясо тает во рту. Пойдём, попробуешь. И вообще, тебе надо напиться и забыться!

Арина выдавила из себя улыбку. Наташка, как всегда, была права. Но душа всё равно ныла от невысказанной боли.

– Ты иди, Натусь, и я тоже скоро приду. Там всё равно уже все перепились и забыли, зачем сюда приехали.

– Ну ладно, – кивнула Наталья. – Только не заблудись, чтоб нам не пришлось тебя искать.

Арина вышла на тропинку, направляясь к красивой старинной башне, и, остановившись перед ней, с невольным восхищением подняла на неё глаза. Колокольня возвышалась на холме, величественная, тёмная, почти чёрная на фоне багрового заката. Её каменная кладка, замшелая и старая, дышала историей, а циферблат часов, золочёный лучами уходящего солнца, казался чем-то невероятным и даже нереальным.

Старая каменная лестница внутри башни была винтовой и выходила прямо из толщи стен. Неровные ступени, стёртые сотнями ног и выщербленные временем, уводили вверх, обещая просто сказочный вид на всю округу. Арина поднималась медленно, ведя рукой по грубому камню. С каждым шагом шум голосов внизу стихал, сменяясь тишиной, в которой слышен был лишь стук её собственного сердца и ветер, завывающий в бойницах.

Когда она вышла на смотровую площадку, у неё от восторга захватило дух. Отсюда река казалась не золотистой, а медной, оплавленной огнём заката. Леса уходили вдаль, покрытые дымкой, и всё это море зелени и света плескалось у её ног. Красота была настолько осязаемой, что у Арины защипало в глазах. Она ощутила себя крошечной, но при этом до краёв наполненной этим бесконечным простором.

Внизу, у самой воды, уже зажигались огоньки гирлянд, а её гости казались муравьями, суесящимися вокруг красной точки костра. Она разглядела Андрея, он стоял чуть поодаль от всех и разговаривал с кем-то из женщин. Кажется, это была Наташка...

– Просто ложка дёгтя... – прошептала она, вспомнив слова Наташки. – Ну да, наверное...

Она прислонилась лбом к холодному камню парапета и закрыла глаза. В ушах зазвучала странная мелодия, такая красивая и тоскующая, что Арина забыла обо всем на свете – о све-крови и муже, о работе, жизни и разочарованиях, от которых раньше никуда не могла деться.

– Бом-м-м...

Арина вздрогнула от неожиданности: она никак не ожидала, что часы на башне идут до сих пор. Интересно, сколько ей? Два столетия? Три?

– Бом-м-м... – тяжёлые, густые удары, разливаясь по долине, сменяли друг друга. Второй, третий, четвёртый... Арина насчитала девять.

И вдруг, с последним ударом, когда его звук ещё плыл по воздуху, к ней пришло спокойствие. Оно растеклось по телу, растворив в безмятежности усталость и обиду. В самом деле, о чём ей переживать? Она молода, красива, у неё есть муж, который подготовил для неё этот праздник, есть друзья, которые её любят. Она не обязана быть идеальной невесткой, идеальной женой. Она просто Арина, стоящая на краю старой колокольни в ночь чудес.

– Я всё смогу, – сказала она тихо, обращаясь и к этому вечеру, и к себе самой.

Закат уже угас, и даже тонкая малиновая полоска на горизонте растаяла, унося с собой прошедший день. На небе зажигались первые звёзды.

Арина посмотрела вниз. Андрей всё ещё стоял на берегу. Он поднял руку и помахал ей. Арина улыбнулась и помахала в ответ.

– Красиво здесь, – раздался позади неё чей-то голос.

Арина резко обернулась и увидела перед собой старика лет восьмидесяти, с морщинистым лицом и умными глазами, которые пытливо смотрели на неё.

– Да... – ответила она. – Простите, я задумалась и не услышала ваших шагов.

– Я не хотел испугать вас... Вы, наверное, из той компании? – незнакомец подошёл ближе и кивнул вниз.

– Да, там мой муж и друзья, – подтвердила Арина. – Сегодня мой день рождения, вот мы и собрались, чтобы отметить его.

– Надо же, вы родились в ночь на Ивана Купала...

– Так уж получилось, – улыбнулась Арина. – Простите, а вы кто?

– Местный житель, – охотно пояснил старик. – Люблю приходить сюда на закате, потом смотреть на звезды. Здесь всё как-то ощущается по-другому, и даже воздух не такой, как там, внизу.

– Это правда, – согласилась Арина. – А вы знаете, кто эту башню построил? Никогда о ней ничего не слышала. Да и вообще впервые здесь.

– У неё печальная история, – сказал старик. – Но я вам расскажу, что знаю.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказывать – медленно, словно перелистывая страницы древней книги, которая хранилась в его памяти.

– Когда-то, лет триста назад, в этих местах жил здесь один помещик, граф. Молодой, богатый, красивый. Говорят, однажды он встретил женщину, которую не должен был полюбить, но полюбил. А когда она пропала, построил для неё эту самую колокольню. И повелел, чтобы часы на ней били каждые три часа, в надежде, что она услышит их и вернётся, по ним отыщет к нему дорогу.

– Ух ты! И что, его невеста так и не нашлась?

Старик вздохнул и погладил свой щетинистый подбородок.

– Каждый день граф поднимался на эту колокольню и смотрел на дорогу. А часы били. Раз в три часа. И вот уже три столетия не останавливаются ни на минуту.

– Значит, она не вернулась? – спросила Арина, хотя ответ уже знала.

Старик покачал головой.

– Но люди верят, что когда они соединятся в вечности, часы остановятся.

Арине вдруг стало не по себе.

– Спасибо вам за такую красивую легенду, – сказала она старику. – А теперь простите, но мне пора.

– Не за что, – кивнул он в ответ и отступил в сторону, пропуская Арину к ступеням. – И пусть этот день рождения станет для вас самым запоминающимся.

Арина улыбнулась и махнула старику на прощание.

Ночь опустилась на землю тяжёлой, душной пеленой, пропитанной запахом перегара, сигаретного дыма и жареного мяса. Праздник удался. Ещё как удался. Кто-то ещё брэнчал на гитаре, сидя у костра, кто-то уже крепко спал, а столы ломились от пустых бутылок, напоминающих поле боя после жестокой битвы.

Арина, дремавшая в раскладном кресле, открыла глаза и провела ладонью по лицу, прогоняя остатки сна. Часы показывали половину двенадцатого. Она помнила, как, вернувшись с башни, выпила крепкий коктейль, поблагодарив друзей за тосты, ей налили снова, а потом всё смешалось в калейдоскопе лиц, смеха и танцев. И вот она проснулась в кресле, заботливо укрытая пледом.

Арина осмотрелась. Неподалёку, устроившись на шезлонге в неестественной позе, спал Валера, муж Наташки. Остальные гости, судя по всему, разбрелись по территории. Андрея нигде не было.

Она поднялась и вдохнула прохладный ночной воздух. Луна висела над рекой огромным серебряным блюдом, разбрызгивая по водной глади дрожащую дорожку из чистого света. Где-то кричала ночная птица, и от этого крика по спине девушки пробежал холодок.

– Чёрт, зачем я так напилась? – прошептала она, кусая губы.

Тошнота подкатывала к горлу, и ей вдруг захотелось искупаться в холодной речной воде. Ноги сами понесли её по тропинке к реке. Трава была мокрой от росы, и ступни холодило приятно и отрезвляюще. Арина сбросила платье прямо на ходу, немного подумала и сняла белье, оставшись совершенно обнажённой под лунным светом. Кожа засветилась перламутром, а прохладный ветерок пробежал по телу, заставляя мурашки танцевать на её плечах.

Она уже приблизилась к самой кромке воды, когда услышала звуки. Сначала она решила, что это ветер шепчет в камышах, но потом различила голоса. Приглушённые, сбивчивые стоны, переходящие в хриплый шёпот. И мужской голос – низкий, хриплый, до боли знакомый.

Арина замерла, вслушиваясь. Голос принадлежал Андрею. Сомнений не было. Она знала эту интонацию, эту бархатистую хрипотцу, которой он окутывал её по ночам.

– Тише... не спеши... – шептал он, и в этом шёпоте слышалась животная страсть.

Ноги Арины стали ватными, но она заставила себя двинуться туда, откуда доносились звуки, и обеими руками развела кусты в сторону. А потом, слегка склонив голову, принялась рассматривать открывшуюся ей картину. На берегу, на расстеленном пледе, лежал Андрей, а над ним склонилась Наталья. Её подруга. Её лучшая подруга, которая совсем недавно обнимала её и так доверительно рассуждала про ложку дёгтя.

Наталья двигалась ритмично, вот она запрокинула голову, и её длинные светлые волосы засеребрились в лунном свете. Андрей лежал под ней, сжимая руками её бёдра.

– Андрей, – позвала мужа Арина, и в этом слове не было ни крика, ни истерики. Только ледяное спокойствие.

Они оба замерли. Андрей резко распахнул глаза и в ужасе уставился на жену. Он грубо оттолкнул Наталью, и та, издав визг, кубарем скатилась на траву, пытаясь прикрыться руками.

– Арина?! – выдохнул Андрей, но тут его лицо перекошилось от замешательства. – А ты... ты почему голая?

Арина медленно скрестила руки на груди, не пытаясь прикрыться. Наоборот, она гордо выпрямилась, и в лунном свете её совершенная фигура казалась статуей древней богини, застывшей в гневе.

– А вы? – переспросила она с ледяной усмешкой. – Я-то купаться собралась. Освежиться. А вы, я смотрю, уже приплыли. Да ты не спеши, Натусь, я же тебя не тороплю, просто постою в очереди. Ты не возражаешь?

Наталья, дрожащими руками хватая разбросанные вещи, начала торопливо одеваться. Она не смотрела на Арину, только бормотала что-то невнятное, путаясь в рукавах.

– Ариша... это не то, что ты думаешь... – начал Андрей. Он тоже уже стоял на ногах и крутил в руках шорты, пытаясь вывернуть их.

Наталья уже натянула платье, и теперь стояла бледная, как мел, кусая губы.

– Тут нечего думать, – пожала плечами Арина, наклонилась и подняла трусики подруги.

– На! А то вдруг Валерка проснётся, увидит, что у тебя их нет, и начнёт задавать ненужные вопросы.

Наталья, заливаясь краской, выхватила у неё из рук бельё и, так ничего не сказав, пошла прочь. Глядя ей вслед, Арина пожала плечами, и в этом движении было столько презрения, что Андрей до боли прикусил нижнюю губу. Чёрт, когда он уходил, она так крепко спала...

Он подошёл к ней, держа в руках свою рубашку.

– На, оденься. А потом мы поговорим, – его голос звучал так умоляюще, что Арина протянула руку и взяла у него рубашку, но не для того, чтобы надеть. Она скомкала её и бросила ему в лицо, заставляя его отступить.

– Арина, ну хватит! – рявкнул он, теряя терпение.

– Хватит? – она горько рассмеялась, и этот смех эхом разнёсся над рекой. – А и в самом деле, хватит! Меня от тебя тошнит! И хочется смыть с себя всю эту грязь!

– Куда ты, стой! – он попытался схватить её за запястье, но она выдернула у него руку и поспешила к реке. Андрей рванулся за ней, но было поздно. Арина, стоя по пояс в воде, оттолкнулась от дна и нырнула прямо в лунную дорожку. Холодная вода обожгла, проникла в лёгкие, заставила сердце бешено забиться.

В тот же миг из темноты грянул бой часов. Старая башня ожила, и её часы начали бить полночь. Двенадцать мощных, глубоких ударов, прокатились над рекой, заставляя её гладь морщиниться и дрожать от глухого, раскатистого эха.

– Бом-м-м...

Глава 2

Луна висела над рекой огромным серебряным блюдом, заливая всё вокруг призрачным, мерцающим светом. Ночь была тёплой и душной, пропитанной запахами цветущего разнотравья, речной свежести и влажной земли. Вода казалась жидким стеклом, в котором отражались звёзды, а лунная дорожка тянулась от одного берега к другому, приглашая идти по ней до самого горизонта.

Ночь над рекой стояла тёплая и душная, и парни, затаившиеся в кустах на высоком берегу, чувствовали, как лоб покрывает испарина, а по спине струятся тонкие ручейки пота. Их было пятеро – молодых, горячих, пришедших тайком поглазеть на купающихся в ночь на Ивана Купала девок. Лука и Гаврила, самые смелые, залегли впереди всех, в самой чаще ивняка, откуда открывался лучший вид на речную гладь.

– Тихо ты, дурень! – шепнул Лука, толкая локтем своего товарища, который слишком громко сопел, вглядываясь в белеющие обнажённые тела. – Услышат ведь, разбегутся.

– Да не услышат, – прохрипел в ответ Гаврила, но всё же пригнулся ниже. – Вон они, голубки, поют, заливаются. Не до нас им.

Девушки действительно пели. Их голоса, чистые и звонкие, разносились над рекой, переплетаясь с шелестом листвы и плеском воды. Они водили хороводы, пускали венки, и парни смотрели на них, заворожённые, чувствуя, как кровь быстрее бежит по жилам.

– Эх, и хороши же! – выдохнул третий, Ванька, подползая ближе. – Вон та, в берёзовом венке, Матрёна, гляди, какая статная да гладкая. Кровь с молоком...

– Забыл, что её кузнец Андрюха приметил? – хмыкнул Лука. – Он тебе голову живо открутит, если увидит, как ты на его суженую глядишь.

– А как он увидит? – оскалился Ванька. – Я ж не в примету. Так, полюбоваться только.

Арина вынырнула из глубины, хватая ртом воздух, и принялась быстро моргать, чтобы унять резь в глазах. Когда же она снова смогла видеть, ещё раз моргнула, только теперь уже от удивления: мир вокруг неё изменился. Или это она изменилась? Что вообще происходит? Вместо пьяных голосов с базы отдыха и криков звавшего её Андрея, над водой разносилось нежное, тягучее пение. Голоса... Целый хор женских голосов переплетался в замысловатый узор и уносился в ночное небо, к звёздам, которые казались сейчас намного крупнее и ярче.

Арина замерла, держась на воде, и повернула голову в сторону берега. Там, в нескольких шагах от берега, по пояс в воде, стояли девушки. Их волосы были распущены и струились по плечам, а на головах красовались венки из берёзовых и ивовых прутьев, из полевых васильков, пышных трав и белых ромашек. Они водили ладонями по воде, омывали белые, покатые плечи, баловались, брызгая друг на друга, смеялись и пели чистыми, звонкими, почти неземными голосами.

Арина смотрела на них заворожённо. Она забыла о холоде, о страхе, о том, что только что случилось с ней на берегу. Она видела, как девушки одна за другой стали снимать с себя венки и опускать их на речную гладь. Венки поплыли, кружась в медленном танце, и каждая из девушек что-то шептала, загадывая желание.

– Ой, Матрёна, смотри, как твой веночек качается, его сейчас к тому берегу понесёт! – крикнула одна из них, указывая рукой в темноту. – Быть тебе, девка, замужем!

– А у меня потонул! – всхлипнула другая, и в голосе её послышалась горечь. – Ой, горе мне, горе... Не видать мне жениха в этом году.

– Не горюй, Дарья, – успокоила её третья, обнимая за плечи. – Может, к лучшему. Не всякий жених – счастье. Господь знает, что посылать.

Девушки заговорили тише, и их голоса, словно шелест волн, поплыли над рекой.

Арина смотрела на них, и странное чувство охватывало её. Она где-то видела это. В фильмах, в книгах... Где-то ещё... Там в Иванову ночь девушки гадали на женихов, пускали венки по воде, пели песни... Но здесь, в этой ночи, всё было по-настоящему. И древний, почти забытый обычай жил своей жизнью.

Арина улыбнулась, поняв, что попала на чьё-то театрализованное представление. Надо же, как интересно, а она и не знала, что в этих краях проводятся такие мероприятия.

Она заметила, как один из венков, самый пышный, из берёзовых веток и полевых колокольчиков, медленно подплыл к ней. И вдруг, сама не зная зачем, Арина протянула руку и поймала его. Венок казался свежим, будто только что сплетённым, и от него пахло мёдом и летним лугом. Она осторожно надела его на голову, и цветы мягко коснулись её влажных волос.

Девушки всё ещё стояли в воде, переговариваясь между собой:

– А ты, Настасья, загадала что?

– Загадала, да не скажу. А то не сбудется.

– И не надо. Всё само собой придёт.

Арина подплыла к ним ближе, осторожно, стараясь не спугнуть. Она чувствовала себя неловко, как гостья, которая пришла не вовремя. Но ей так хотелось прикоснуться к этому волшебству, к этой древней магии, которая плыла по воде вместе с венками.

– Простите, – сказала она негромко, когда до берега оставалось всего несколько метров. – Надеюсь, я вам не помешала. Я сейчас уйду.

Девушки замерли. Песня оборвалась на полуслове. Они медленно обернулись и уставились на неё, и в их глазах, освещённых лунным светом, Арина увидела сначала удивление, а потом – настоящий, животный ужас.

– Кто это? – прошептала одна из них, делая шаг назад.

– Ой! – дрожащим голосом ответила другая. – Она вынырнула из воды... Из лунной дорожки...

– А венки на ней! – вскрикнула третья, указывая на голову Арины. – Мой! Тот, что я сплела!

– Русалка! – закричала самая младшая, и её пронзительный голос прорезал ночную тишину. – Русалка!!!

– А-а-а!!!

Девушки бросились к берегу. Они выскакивали из воды, спотыкались, падали на мокрую траву, вставали и бежали, хватая свою одежду, которую оставили на берегу. Они одевались на бегу, путаясь в длинных подолах, и их крики, полные ужаса, разносились над рекой.

– Бежим!!!

– Русалка! Она нас утащит!

– Господи, помилуй!

– Спаси и сохрани!

Через мгновение берег опустел. Только разбросанные полевые цветы остались лежать на траве, напоминая о том, что здесь только что была жизнь, пение и древнее колдовство ночи.

Арина застыла в воде, не в силах пошевелиться. Она смотрела на пустой берег, на плывущие по реке венки, которые уже почти исчезли из виду, и чувствовала, как дрожь пробирает её до самых костей. Ветер стих, и наступила такая тишина, что было слышно, как где-то вдалеке, в лесу, кричит ночная птица.

Она вышла на берег, ступая босыми ногами по мокрой, прохладной траве. Арина стояла и оглядывалась, пытаясь понять, где она. Вместо базы отдыха – тёмные кусты и высокая трава. Вместо ярких огней и шумных голосов – тишина и звёзды, которые с любопытством смотрели на неё с неба. Никаких машин, никакой музыки, ни одного знакомого звука.

Арина подняла голову к небу и почувствовала, как холодок пробежал по спине. Где-то там, в темноте, вместо старой колокольни, которой она так восхищалась, высокой стеной стоял густой, тёмный лес.

Она повернулась к реке. Вода всё так же блестела в лунном свете, но теперь она казалась Арине не знакомой рекой, а чем-то иным – границей между мирами.

– Где я? – прошептала она, и голос её прозвучал глухо в ночной тишине. – Куда я попала?

Но ответа не было. Только ветер прошлых столетий шелестел в листве, да внизу серебрилась река, оставив за лунной дорожкой привычный мир Арины, которая ещё не понимала, что дороги назад больше нет.

Она стояла на берегу одна, голая, мокрая, растерянная и бесконечно одинокая, и чувствовала, как страх перед неизвестностью заполняет каждую клетку её тела. Она подняла руку, сняла венок с головы и бросила его под ноги. Потом сглотнула и позвала сначала тихо, а потом громче:

– Андрей! Андрей, это твои штучки?! Прекрати, мне страшно! Андрей!!!

Но лишь тишина была ей ответом. Звёзды смотрели на неё с высоты, безучастные и вечные, и в их свете не было ни ответов, ни надежды.

Арина сделала шаг вперёд, в темноту, чувствуя, как грубая ткань рубахи касается её ног. Ей нужно было идти. Куда-то идти. Искать хоть какое-то убежище, хоть какого-то человека, который объяснил бы ей, что происходит.

Услышав визг и вопли деревенских девок, парни вскочили на ноги, не понимая, что происходит. Кусты затрещали, и через мгновение мимо них, сбивая на бегу листву, пронеслись полуодетые девушки. Они бежали так, будто за ними гнался сам водяной, и их испуганные крики не скоро умолкли в ночи.

– Тьфу ты, оглашенные, – сплюнул Ванька, пятясь назад. – Чего это они? Переполошились все. Может, медведь?

– Какой медведь, дурень, – зашипел Гаврила, вглядываясь в темноту. – Там что-то в воде было. Я видел. Вынырнуло прямо из лунной дорожки.

Ванька и остальные парни, услышав это, попятнулись. Страх заразителен, и никто не хотел оставаться на берегу, где, по слухам, в Иванову ночь водится всякая нечисть.

– А ну вас, – сказал Матвей, разворачиваясь. – Я пошёл. Ещё русалки защекочат.

– Айда отсюда, – подхватил другой.

Они разбежались, оставив на берегу только Луку и Гаврилу. Те стояли за кустом, вцепившись в ветки, и смотрели на реку. Им тоже было страшно, но любопытство оказалось сильнее страха. Каждому хотелось увидеть русалку своими глазами, чтобы потом рассказывать эту историю в деревне, заставляя девок ахать, а мужиков завидовать.

И они увидели.

Из воды вышла фигура. Стройная, высокая, обнажённая. Лунный свет струился по её телу, делая кожу почти прозрачной, серебристой. Мокрые, длинные волосы стекали по спине, и вода блестела на них, как драгоценные камни. Она оглядывалась по сторонам с таким растерянным и испуганным видом, будто не знала, где находится.

– Господи, помилуй, – выдохнул Лука, чувствуя, как у него перехватило дыхание. – Никогда такой красоты не видывал.

– Я тоже, – прошептал Гаврила, не сводя с неё глаз. – А что это она делает?

Арина не замечала упавших в кусты парней. Она наклонилась и подняла с травы брошенную девками рубашку – длинную, белую, из тонкого холста. Надела её, и лунный свет тут же насквозь пронзил тонкую ткань, обрисовывая каждую линию её тела.

Парни смотрели, как заворожённые. Они не могли отвести взгляда от гибкого силуэта, от того, как холст прилипал к влажной коже, открывая взору то, что должно было быть скрытым.

– Ох, – выдохнул Лука, и голос его дрогнул. – Это не человек. Это точно не человек. Смотри, Гаврила, она ногами ступает по земле, но вся светится, будто призрак.

Арина оглянулась по сторонам.

– Андрей! Андрей!!!

Лука вздрогнул и переглянулся с Гаврилой.

– Андрей? – повторил он. – Слыхал?! Это она кузнеца нашего зовёт, Андрюху?

– Выходит, что так, – ответил Гаврила, и по его спине пробежал холодок. – Говорят, русалки приходят за теми, кто должен скоро помереть. Приходят по душу.

– Значит, Андрюхе конец, – прошептал Лука, крестясь. – Даруй ему Господь Царствие Небесное.

Арина тем временем отошла от реки. Она ступала неуверенно, босые ноги не привыкли к острой траве и камням. Она хромала, то и дело вскрикивая от боли, когда сухая ветка вонзалась в подошву или острый камень ранил кожу. Её лицо было искажено страданием и ужасом, и она оглядывалась по сторонам, тщетно пытаясь узнать местность.

Вокруг неё простиралась дикая, нетронутая природа. Лес подступал к самой реке, тёмный и густой, и его ветви сплетались над головой, создавая непроницаемый шатёр. Высокая трава доходила почти до пояса, и в ней прятались колючки и репейники, которые цеплялись за тонкую ткань рубахи. Воздух был густым, напоенным запахом прелых листьев и ночных цветов, и где-то вдалеке ухал филин.

– Ишь ты, – прошептал Лука, следуя за ней по кустам. – Еле ходит по земле, нечисть. Наверное, больно ей ступать на нашу землю. Намедни тут крестный ход проходил, вот и жжёт ей пятки... ишь, как скачет...

– Смотри, она всё ещё ищет кого-то, – ответил Гаврила, крадучись за товарищем. – Глазами шарит. Может, Андрюха ей нужен, чтобы увести его в реку. Глянь-кось, в деревню идёт...

– Господи, помилуй! – повысил голос Лука, осеняя себя крестным знамением. – Силою Честного и Животворящего Креста, святого архистратига Божия Михаила и прочих Небесных сил бесплотных...

Арина вдруг остановилась и прислушалась. Ей показалось, что за ней кто-то идёт. Она медленно обернулась, вглядываясь в темноту. Сердце бешено колотилось в груди, и страх, холодный и липкий, обволакивал её с ног до головы.

– Кто здесь? – крикнула она, и голос её сорвался на хрип. – Есть кто? Андрей?!

В ответ – тишина. Только ветер, который вдруг усилился, зашумел в кронах деревьев.

– Андрей, это ты? – снова позвала Арина и снова не услышала ответа.

Она сделала шаг вперёд и вдруг заметила движение. Две тени, неясные, размытые, метнулись за кустом. У Арины перехватило дыхание. Паника, дикая, животная, захлестнула её с головой. Она развернулась и бросилась бежать, не разбирая дороги, не чувствуя боли в израненных ногах. Парни рванулись от неё в другую сторону, продираясь сквозь кустарник и не замечая, как ветки хлещут по лицу, а шиповник раздирает кожу в кровь.

Не чуя под собой ног, Арина выскочила на поляну. И тут перед ней, будто из-под земли, вырос огромный вороной конь.

Арина не успела ни закричать, ни увернуться. Её ноги подкосились, она поскользнулась на мокрой траве и рухнула прямо под копыта разгорячённого жеребца. Конь взвился на дыбы, дико заржав, и в лунном свете его тень накрыла Арину, как чёрное крыло смерти.

Последнее, что она увидела, это опрокинувшееся небо и звезды, искрами посыпавшиеся на неё сверху.

Глава 3

Первые проблески света появились на востоке, когда небо было ещё тёмно-синим, почти чёрным, а звёзды, мерцавшие всю ночь, начали по одной гасить свои огоньки. Но река всё ещё спала под плотным покрывалом тумана. Белая, молочная пелена низко стелилась над водой, окутывая её и скрывая от посторонних глаз её тайны. В этом тумане, густом и влажном, угадывались силуэты прибрежных ив, которые стояли неподвижно, опустив свои длинные ветви к самой воде, словно пытались дотянуться до её прохладной глади. Листья на деревьях блестели от росы, и каждая капля, застывшая на тонкой зелёной пластинке, отражая розовеющее небо, превращалась в крошечный драгоценный камень.

Птицы просыпались постепенно. Сначала одна, самая смелая, подала голос, и её трель зазвенела над рекой, разрывая тишину. И вот уже весь прибрежный лес наполнился пением, радостным и звонким, приветствующим новый день.

Но первые петухи запели ещё раньше, и их крики разносились от одного двора к другому, разбуживая крепко спавших людей. Где-то вдалеке замычала корова, и звук этот, низкий и протяжный, вплёлся в утреннюю симфонию, делая её более живой и настоящей. Солнце ещё не показалось из-за горизонта, когда пастух Фома, высокий сутулый мужик с длинным кнутом в руке, уже вышел за деревню, выгнав коров из хлева на росистое пастбище, где каждая травинка, согнувшаяся под тяжестью влаги, казалась серебряной нитью, вышитой на зелёном полотне. Там, где роса собралась особенно густо, она напоминала мелкий бисер, рассыпанный невидимой рукой.

Фома обернулся и три раза размашисто перекрестился на купол видневшейся на пригорке церкви, сделал троекратный поклон и окинул взглядом всю округу. Река, освобождаясь от туманного покрывала, засверкала тысячами бликов, и каждый блик танцевал на воде, играя с лучами восходящего солнца. Наступал новый день.

В кузнице, что стояла на отшибе, уже вовсю стучали молотки. Гулкий, ритмичный звон металла разлетался по утреннему воздуху, и искры, вылетая из распахнутых дверей, гасли в лучах поднимавшегося над землёй солнца.

На кухне, в большом доме, уже гремела посуда. Кто-то звонко ругался, кто-то смеялся, а где-то плакал ребёнок, и его плач тонул в общем утреннем шуме. Деревня, проснувшись до рассвета, к утру уже жила своей обычной, размеренной жизнью.

Арина открыла глаза, но ещё какое-то время лежала на своём жёстком неудобном ложе, прислушиваясь к странным звукам, разбудившим её. Ночной кошмар, кажется, продолжался и не растаял вместе со сном. Она приподнялась на локте и огляделась. Маленькая комната – такие в старину вроде называли клетушками – была тесной и неудобной. Стены бревенчатые, низкие, тёмные от времени. Одну из них подпирал огромный сундук, окованный железом и запёртый на чудовищный замок, который мог бы украсить любую средневековую крепость. Окон не было. Ни одного. Только приоткрытая дверь, откуда пробивался тусклый, сероватый свет.

Арина села на постели, которая оказалась просто набитым сеном тюфяком, и прижала ладонь к щеке. В голове всё смешалось в один спутанный клубок. Андрей, Наталья, река, лунная дорожка, девушки в белых рубахах, крики о русалке, бег через лес и этот огромный чёрный жеребец, который взвился над ней на дыбы, а потом... ничего.

Она застонала, провела ладонью по лбу, и тут же дёрнулась от резкой боли. На лбу красовалась огромная шишка, горячая и пульсирующая. Реальность, которая так настойчиво стучалась в её сознание, вдруг стала осязаемой.

– Ну нет, – прошептала она, осторожно трогая шишку. – Нет-нет-нет! Этого просто не может быть. Это не может быть по-настоящему.

Арина закрыла глаза и снова начала перебирать в уме всё, что произошло. Андрей изменил ей с Натальей. Её подругой, её лучшей подругой, которая совсем недавно утешала её и говорила, что свекровь просто ложка дёгтя в бочке мёда. Эта мысль всё ещё жгла, оставляя горький привкус во рту. Арина знала одно: она не простит этого. Никогда. Как только она разберётся, где находится, и выберется из этого странного места, она подаст на развод. Без разговоров, без объяснений. Просто вычеркнет его из жизни, и всё.

Стоп! А если это всё организовал Андрей? Как в фильме, где специально создали историческую реконструкцию, чтобы перевоспитать какого-то балбеса? Но нет. Откуда у Андрея, обычного владельца автомастерской, такие деньги, чтобы сделать всё это? Да и зачем? Значит, это устроил кто-то другой, и ей нужно понять, кто и как поможет ей выбраться из этой нелепейшей ситуации.

– Чёрт! А если я сошла с ума? Или я попала в прошлое?

Забыв о шишке, она хлопнула себя ладонью по лбу, и снова боль пронзила голову, но мысль никуда не исчезла. Арина всё ещё была здесь, в этой странной комнате, в этом непонятном мире, где не было ничего привычного и знакомого.

– Господи, – прошептала она, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Это же бред. Я просто ударилась головой, и мне всё это снится.

Но шишка на лбу пульсировала, и ощущение боли в теле от жёсткого тюфяка было слишком реальным. Как запах старого дерева и травы. Как свет, который пробивался из двери, и был слишком настоящим.

Арина встала. Ноги её слушались, хотя во рту пересохло, а голова кружилась. Она опустила взгляд и увидела, что на ней всё ещё та самая белая длинная рубашка, из холста, который просвечивал на свету. Арина потянула подол в разные стороны: рубаха была грязной, в пятнах травы и земли, но девушке было всё равно. Ей нужно было найти нормальную одежду, выйти отсюда, найти людей, которые объяснят, где она и что здесь происходит.

Она сделала шаг к грубо сколоченной двери, открыла её и вышла в узкий тёмный коридор, который вёл куда-то вглубь дома. Сердце билось гулко и часто, но она заставила себя идти вперёд, чувствуя, как холодный воздух касается её босых ног.

И тут на неё налетела женщина. Высокая, дородная, в тёмно-синем сарафане, расшитом по подолу неброскими узорами. На её голове был странный головной убор, повязка, украшенная вышивкой и бусами, из-под которой выбивались пряди волос. Она толкнула Арину в туже клетушку и испуганно затараторила:

– Куда ты подалась, оглашенная, куда? В исподнице-то! Простоволосая! Срам-то какой!

Арина замерла, глядя на женщину широко раскрытыми глазами. Наконец заставила себя улыбнуться.

– Здравствуйте. Извините, – выдавила из себя Арина. – Вы не могли бы дать мне телефон? Я хочу позвонить. Позвонить, понимаете?

Женщина удивлённо хлопнула ресницами, и в её взгляде мелькнуло недоумение.

– Позвонить? – она покачала головой. – Так заутреню уже отзвонили, да и на колокольню без благословения не пустят. Ой, баламутишь ты, девка...

Арина почувствовала, как внутри неё начинает закипать отчаяние. Она говорила спокойно, сдерживаясь из последних сил, но каждое слово Акулины било по нервам, как молот.

– Нет, вы не понимаете, – сказала она, сделав глубокий вдох, и поднесла ладонь к уху, изображая пальцами трубку телефона. – Позвонить. Андрею, моему мужу.

– Кузнецу? Позвать тебе его, что ли?

– Нет!!! Не надо кузнеца! Это не тот Андрей! – закричала Арина и схватила женщину за руку.

Но та отшатнулась, быстро перекрестилась и с опаской отступила ещё на шаг.

– Бесноватая ты, что ли? – прошептала она, вглядываясь в Арину. – Али раскольничаешь? Говори, кто ты такая, чтобы я знала, как с тобой быть.

Арина почувствовала, как пересохло в горле. Она провела языком по сухим губам и с трудом сглотнула.

– Я православная, – ответила она. – Честное слово, православная. И я просто хочу понять, где я и как сюда попала. Вы можете мне ответить? Это... это ведь реконструкция?

– Какая ещё рестуция? – не поняла женщина. – А ну-ка перекрестись...

Арина перекрестилась, и лицо женщины разгладилось.

– Троеперстием крестишься, – покачала она головой, – а беснуешься, как нечисть какая-то... Говоришь не по-людски. И глаза у тебя дикие, будто из лесу вышла.

– Я не нечисть, меня Ариной зовут. А вас?

– Акулина я, ключница, – ответила женщина.

Арине вспомнился диалог двух героев известного фильма: «Ключница водку делала?» «Ну, пускай будет ключница... долго объяснять...» и она быстро прижала ладонь к губам, сдерживая истерический смех: а что если она тоже попала во времена Ивана Грозного? Вместо смеха из её груди вырвалось надрывное всхлипывание.

– О, Господи...

Услышав Имя Божье, Акулина быстро перекрестилась, и Арина, заметив в её глазах новое сомнение, тоже наложила на себя крест. Как ни странно, это немного успокоило её. И она заговорила с этой женщиной ласково и убедительно.

– Мне бы одежду какую... И попить...

– Тут сиди, – приказала ей Акулина и ушла. Но вернулась очень скоро. Через плечо она несла холщовую рубаху, чистую исподницу, сарафан и фартук. В одной руке держала странную обувь и головной убор, в другой – глиняную кружку с каким-то питьём.

– Что это? – спросила Арина, выпив напиток, от которого не смогла оторваться.

– Взвар на меду, – Акулина принялась подавать ей одежду.

– Вкусно очень... – Арина сняла грязную рубаху, надела чистую, потом бросила на женщину смущённый взгляд: – А трусы?

– Опять юродствуешь?

Арина принялась одеваться, справляясь с одеждой так неловко, что Акулина, склонив голову, прижала ладонь к щеке, будто у неё разболелся зуб.

– Тоща ты больно, – сказала она наконец, оглядывая Арину, на которой одежда висела мешком. – Лукерьюшка-то потелеснее тебя была.

– А сама она где? – спросила Арина, рассматривая головной убор и ленту.

– Померла на медни... – сообщила ей Акулина.

Арина вздрогнула и бросила повязку на сундук:

– Не буду я это надевать.

– Повойник-то? Высекут перед народом на козлах, наденешь, – миролюбиво сообщила ей Акулина. – Наш барин челядь свою в строгости держит.

– Кто?! – Арине захотелось плакать.

– Барин, говорю, – пояснила Акулина. – Батюшка наш, Никита Алексеич. Мы же все Разумовские... Да куда ж напяливаешь его? – всплеснула она руками, заметив, что Арина собирается надеть повойник на голову, не подобрав волосы. – Косу сначала заплети, ленту я для чего тебе принесла? Негоже простоволосой людям казаться. А потом уже повойник надевай. И поспешай, некогда мне с тобой...

– Как я попала сюда, Акулина? – Арина подняла на неё глаза, полные слёз.

– Так барин и привёз... Где он только взял тебя такую...

Глава 4

Арина не отходила от Акулины ни на шаг. Она следовала за ней по пятам, как тень, и ключница, которая с утра была занята сотней дел, начинала заметно раздражаться. Они прошли через тёмные сени, миновали кладовую, где пахло сушёными травами и соленьями, и, наконец, остановились в узком проходе между двумя избами.

– Хвостом зачем за мной ходишь? – сердито обернулась Акулина, уперев руки в бока. – Али заняться тебе нечем? Найди дело и занимайся. А мне не мешай.

– Я не знаю, чем мне заняться, – растерянno ответила Арина. – Я здесь ничего не знаю. Я даже не знаю, куда мне идти.

Акулина вздохнула и покачала головой, но в её взгляде мелькнула искра жалости.

– Ступай в горницу, – сказала она, махнув рукой в сторону низкой двери. – Там девки уборы для моленной готовят. Гладью вышиваешь? Али канитель тянуть умеешь?

Арина, услышав незнакомые слова, замерла на мгновение, а потом отчаянно затрясла головой. Она поняла, что Акулина говорит о каком-то рукоделье, о чём-то, что требовало терпения и навыков, которых у неё никогда не было.

– Не умею, – призналась она. – Я вообще повар! Я могу готовить. Я на кухне могу быть полезна.

Акулина с сомнением посмотрела на неё, прищурившись, и в её взгляде читалось недоверие.

– Ты кухарка? – переспросила она, и в голосе её послышалась едва заметная насмешка.

– Да, – кивнула Арина, чувствуя, как внутри просыпается надежда. – Хотите, давайте приготовим картофельные гнёзда с соусом? Или пиццу, болоньезе...

– Опять понесла, – вздохнула Акулина, и на этот раз в её голосе звучала уже не насмешка, а усталость и раздражение. – Видать, согрешила я где-то, раз уж Господь посылает мне такие испытания, – она перекрестилась на висевший в углу образ, и губы её зашевелились в беззвучной молитве. – Помилуй мя, Господи, за мои прегрешения вольные и невольные...

– Какие испытания? – не поняла Арина, глядя на ключницу с недоумением.

– Ну как же, – ответила Акулина, сложив руки на груди. – Вчерась батюшка наш Никита Алексеич поднял меня среди ночи, позвал в клетушку, показал на тебя и говорит: «Вот, Акулина, девка чья-то под копыта моего Вороного кинулась, зашиб он её маленько. Я принёс её, положил у тебя, присмотри уж за ней. По виду не здешняя, мало ли чего».

– А где же он сам? – спросила Арина, вглядываясь в лицо ключницы. – Барин? Граф Разумовский?

Акулина фыркнула и покачала головой.

– Как где? У себя, в барском доме. Что ему в людской делать? А сейчас и вовсе на охоту уехал, до свету ещё. У него хозяйство большое, дела важные, не до тебя ему, девка.

Арина опустила глаза и почувствовала, как внутри всё сжалось от отчаяния. Она осталась одна в этом чужом, непонятном мире, и единственная, кто мог ей помочь, была эта суровая и раздражённая ключница, которая явно не знала, что делать с такой необычной гостьей.

– Ладно, – сказала Акулина после долгой паузы, вздыхая и словно принимая какое-то решение. – Поведу тебя в стряпушую, авось и от тебя толк будет. Там хоть на глазах будешь, а то натворишь ещё бед мне тут.

Они прошли через двор, где уже вовсю кипела жизнь. Кто-то нёс воду из колодца, кто-то рубил дрова, а из открытых дверей кухни доносился звон посуды и гулкий стук ножей по деревянным доскам. Когда они вошли в стряпушую, Арина на мгновение замерла на пороге, ошеломлённая увиденным.

Это было большое, жарко натопленное помещение, где на трёх массивных печах кипела и булькала еда, распространяя вокруг себя тягучий аромат нехитрого варева. В одном большом котле варились щи с головизной – рыбы головы плавали в мутноватом бульоне вместе с кусками капусты и моркови, и запах, исходивший оттуда, был одновременно сытным и тяжёлым. Рядом с котлом стояла другая посуда, где томилась тушёная капуста с луком, и пар от неё смешивался с запахом кислого теста и пряных корней. Третья печь была занята краяхами ржаного хлеба. В углу стояла дежа – большая деревянная кадка, в которой подходила новая квашня, и её поверхность, покрытая пузырьками, подрагивала будто живая.

Арина растерянно огляделась вокруг. Всё здесь было чужим и непривычным. Она не знала, куда сунуть руки, чем помочь, как подступиться к этой древней, грубой кухне, где не было ни электрических плит, ни блендеров, ни даже привычных ей ножей из нержавеющей стали. На длинных столах лежали топоры для рубки мяса, большие деревянные ложки и глиняные горшки, а в углу стояла кадка с водой.

– Это будут подавать барину на стол? – спросила Арина удивленно, показывая рукой на кипящие котлы,

Акулина махнула рукой с таким видом, будто Арина спросила что-то крайне глупое.

– Зачем? – фыркнула она. – Это для дворовых. У нас вон Матрёна тут кухарит, а барину Стервец кушанья готовит.

– Какой Стервец? – переспросила Арина, ничего не понимая.

– Повар французский, Стервец его кличут. А ты откуда такая выискалась? Из каких краёв? Крепостная чья? – пояснила Матрёна, но тут же замолкла, заметив недовольный взгляд Акулины.

– Ариной её зовут, – одёрнула разговорившуюся Матрёну Акулина. – А ты меньше языком мели. Да не стой столбом. Покажи ей тут что да как. Вон стол, где рыбу разделявали, пусть для начала выскоблит. Да поживее.

Матрёна кивнула, схватила скребок и ткнула его в руки Арины. Та послушно подошла к столу, но её взгляд всё ещё блуждал по кухне, пытаясь уловить что-то знакомое. Всё здесь было неудобным, странным, и она чувствовала себя беспомощной, как ребёнок, который впервые оказался в незнакомом месте.

– Посторонись! Зашибу! – дюжий молодец, появившийся в дверях, принёс бочонок мёда и водрузил его на стол, чуть не наступив на ногу Арины. Она отшатнулась, больно ударила бедром о стол, который должна была скоблить, ойкнула, потеряла равновесие и, взмахнув руками, села в дежу, с громким чавканьем провалившись в бродившую квашню.

Матрёна только рот открыла от изумления, увидев, как Арина, вся в липком, пузырящемся жидком тесте, барахтается в деревянной кадке.

– Ой... – простонала Арина, пытаясь выбраться, но тесто скользило, и ноги не находили опоры. – Простите, я нечаянно!

Все, кто был в стряпущей, принялись громко хохотать.

А Акулина, увидев эту картину, схватилась ладонью за щеку и принялась сокрушённо качать головой.

– Ох ты, Господи, – запричитала она, то и дело крестясь. – Матерь Пресвятая Богородица! Прости меня, грешную. Видать, и впрямь наказание мне от Господа.

– Да помогите же мне... – простонала Арина.

– Ох и высекут тебя за это, – парень, вытирая выступившие на глазах от смеха слезы, подошёл к деже, сунул руки под мышки Арине и потянул её на себя. Чмокнув, квашня отпустила девушку, и парень на вытянутых руках, чтоб не испачкаться, поставил её на дощатый пол.

Тесто стекало с рубахи Арины и капало на доски, оставляя на нем серые кляксы, а сама она стояла, дрожа от обиды и унижения, и чувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы.

– Эх ты, кухарка. Иди за мной, – сказала Акулина, кивнув ей, и голос её звучал уже не так сурово, как раньше, а скорее устало и обречённо. – А вы тут приберитесь побыстрее. Нечего валандаться...

Арина, вся в тесте, с опухшими от подступивших, но не пролитых слёз глазами, покорно пошла за ключницей, оставляя за собой на полу липкие следы. В голове у неё было пусто и холодно, но сердце предательски подсказывало, что влипла она в какую-то непонятную историю, выкарабкаться из которой, как из липкой квашни, будет ох как непросто.

Переодев Арину в чистый сарафан и свежее бельё, которые остались от покойной дворовой девки, Акулина тяжело вздохнула и смерила её оценивающим взглядом. Сарафан сидел на ней всё тем же мешком, хотя был немного коротковат, но белая рубаха из тонкого холста удивительно подчёркивала нежный оттенок кожи девушки, которая совсем не выглядела обычной крестьянкой.

– Откуда ты только взялась на мою голову, – проворчала ключница, поправляя на ней повойник. – На реку отведу тебя, там наши бабы холсты полощут, выстираешь сарафан и рубахи.

– Спасибо вам, – тихо сказала Арина, чувствуя неловкость и благодарность одновременно.

– Ладно, спасибо потом скажешь, – отмахнулась Акулина. – Пойдём уже, а то у меня даже лишней исподницы на тебя нет.

Они вышли со двора и направились по тропинке к реке. Утро уже вступило в полную силу, и солнце поднялось высоко над горизонтом, заливая всё вокруг ярким, радостным светом. Арина шла за ключницей по мокрой траве, сжимая в руках узел с одеждой, и невольно вдыхала свежий, чистый воздух, который был густо пропитан запахами цветущих трав и речной воды.

У реки уже вовсю кипела работа. Несколько баб в пёстрых сарафанах стояли по колено в воде и колотили бельё деревянными палками. Размеренные, глухие удары разносились по берегу, смешиваясь с плеском воды и звонкими голосами.

Акулина подошла к берегу, сложила руки на груди и громко крикнула:

– Марья! Подь сюды.

Одна из женщин, дородная и румяная, обернулась и, увидев ключницу, уважительно поклонилась.

– Акулина Ивановна, здравствуй! А это кто с тобой? – спросила она, с любопытством разглядывая Арину.

– Непутёвая одна, – неохотно ответила Акулина. – Как дитя малое. Весь двор переполошила, в квашне чуть не утопла. Пусть отчистит всё, Марьюшка, а ты уж, будь добра, присмотри за ней, чтоб ещё чего не наворотила.

Женщина кивнула и махнула рукой, указывая на свободное место на берегу.

– Ступай сюда, – сказала она, оглядывая Арину с нескрываемым любопытством. – Вот тут, положи.

Арина подошла к воде, села на корточки и погрузила испачканный наряд в холодную воду. Она помяла ткань дрожащими пальцами, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов.

– А порошок где взять? – спросила она, поднимая голову и глядя на Матрёну с Акулиной. Ключница махнула рукой, как бы говоря: «Ну вот, опять», а Матрёна, удивлённо вскинула брови, переглянулась с другими женщинами, и они негромко засмеялись.

– Это ты о чём, касатушка? – усмехнулась одна из них. – Щёлоком стирать бельё надо, да золой. Что за порошок такой ты просишь?

Арина почувствовала, как краснеет, и поспешно опустила голову, пряча глаза.

Акулина, видя это, только закатила глаза и, что-то недовольно пробормотав, торопливо ушла в сторону усадьбы. Она и так всё утро провозилась с этой юродивой, и, если бы не поручение барина, уже давно выставила бы её, непутёвую, из имения.

Бабы, между тем оставшись без ключницы, начали переглядываться и перешёптываться. Они с интересом посматривали на Арину, но держались на расстоянии, словно боялись приближаться.

– Ты, девка, откуда сама-то? – спросила дородная баба.

– Я... издалека, – тихо ответила Арина, не поднимая глаз. – Не местная.

– Оно и видать, – заметила вторая, пониже ростом, с хитрыми глазами. – Вишь, одета как наша, а толкуешь не по-нашему.

Арина не стала ничего отвечать, и бабы тоже замолчали. Но ненадолго. Одна из них, выпрямившись, вытерла мокрой рукой лоб и заговорила, продолжая прерванный появлением Акулины и Арины разговор.

– На запруде русалку ту видели. Вышла из воды, бледная, мокрая, и венки на голове. А потом у леса и вовсе пропала.

– А вот я слышала, – вступила в разговор самая старшая из них, женщина с суровым морщинистым лицом, – что та русалка Андрюху, кузнеца нашего, по имени кликала. Вышла на берег, а сама, говорят, кричит: «Андрей, Андрей...» Да тоскливо так... Пришла за его душой нечистая.

– И правда, – подтвердила дородная баба, понижая голос до шёпота. – Помрёт, видать, кузнец...

Арина слушала эти разговоры, не поднимая головы, и яростно тёрла ткань, чувствуя, как страх и отчаяние нарастают в груди.

Вдруг бабы замолчали. Все как одна повернули головы в сторону, где проходила дорога через поля. Шелест колёс и цокот копыт донёсся до берега, и вскоре все увидели коляску, запряжённую парой вороных лошадей. Они двигались медленно и важно, как будто знали, что везут важного седока.

– Барин, – испуганно прошептала одна из баб, и это слово передалось по цепочке, как ветер по траве. – Барин едет.

Арина подняла голову и увидела коляску, которая приближалась к берегу. В ней сидел суровый старик с высоким морщинистым лбом. Его лицо, изрезанное глубокими складками, было непроницаемым, как каменная стена, а серые глаза смотрели на мир холодно и недоверчиво. Он был одет в тёмный сюртук и высокую шляпу, и весь его облик излучал власть и строгость.

Бабы низко поклонились, кто-то перекрестился, а кто-то просто замер в почтении.

Старик, сидящий в коляске, мельком взглянул на баб, но задержал взгляд на Арине. Она почувствовала, как холод пробегает по спине, и ей захотелось провалиться сквозь землю.

– Кланяйся, дура, – прошипела Матрёна, не разгибаясь. – Высекут...

Арина, растерявшаяся и напуганная, поспешно склонилась, но не столько из уважения, сколько из желания спрятаться от этого тяжёлого, пронизывающего взгляда, который, казалось, видел её насквозь. А когда выпрямилась вместе с остальными бабами, коляска, поднимая пыль, уже скрылась за поворотом.

Глава 5

Выполоскав сарафан и бельё в холодной речной воде, Арина почувствовала, как руки занемели, а спина заныла от непривычной работы. Она выжала мокрую одежду, насколько могла, и, перекинув её через плечо, побрела обратно в людскую, спотыкаясь холодными ногами о каждый острый камушек.

В людской было шумно и душно. Акулина сидела на лавке у окна и что-то перебирала в большой плетёной корзине. Увидев Арину, она поморщилась и нахмурилась.

– Опять ты? – недовольно сказала она, откладывая работу в сторону. – Управилась, что ли? Не больно ты, девка, расторопная. Долго там возилась. Отстирала хоть одёжу-то?

– Отстирала вроде, – ответила ей Арина, не сумев удержаться от тяжёлого вздоха. – Просто я не привыкла...

– Не привыкла она, – передразнила её Акулина, вставая с лавки. – Хорошо хоть барину нашему не до тебя, а то б он тебя за такую работу живо уму-разуму поучил. Слушайся меня, Арина. Думала я тут, что дальше с тобой делать, так вот, в кухню я тебя больше не пущу. Там новая квашня подошла. Возвращайся к мосткам, будешь у Матрёны бельё брать да сушить развешивать. С этим-то хоть справишься?

Арина кивнула, не поднимая глаз.

– Бельё, значит, бельё...

Она вышла из людской и направилась к тропинке, которая вела к реке. Небо было чистым и ясным, солнце припекало уже вовсю, и Арина то и дело вытирала лицо рукавом рубахи. Она прошла через двор мимо конюшни, остановилась и послушала, как в кузне кто-то звонко стучит молотом по наковальне, и уже собиралась повернуть к мосткам, как вдруг кто-то из мужчин зычно крикнул за её спиной:

– По приказу барина собратся всем у конюшни!

И тут же ввысь взлетел отчаянный женский вопль:

– Матушка-а-а!!!

Арина обернулась и увидела, как несколько десятков человек – мужчины, женщины, даже дети – бросили свои дела и торопливо направились в сторону заднего двора. Среди них были и те бабы, что недавно стирали с ней бельё. Они переговаривались между собой, и в их голосах слышалось смешанное чувство любопытства и страха.

– Что случилось? – спросила Арина у одной из женщин, которая пробежала мимо.

Та смерила её удивлённым взглядом, но ответила торопливо:

– Барин приказал, оглохла что ли? Беги, пока не начали, а то места не будет.

Арина замерла на мгновение, а потом, повинувшись какому-то странному инстинкту, двинулась вслед за толпой. Она не знала, зачем идёт, но ноги сами несли её туда, где уже собирались люди, и оттуда доносились приглушённые голоса и шум.

Задний двор усадьбы был открытым пространством, окружённым с трёх сторон глухими стенами амбаров и конюшен. В центре стояли козлы – грубое деревянное сооружение, предназначенное для распиливания дров, но сейчас к ним подтаскивали простоволосую женщину в одной исподнице. Два дюжих парня, краснолицых и потных, сжимали её руки, пока она отчаянно вырывалась и кричала.

– Пустите! Христа ради!!! Не надо!!! – вопила она, и голос её, полный отчаяния и ужаса, разносился по всему двору. – Матушка!!!

– Тьфу, ты паскуда! Смеет ещё Имя Божье нечестивыми своими устами поминать!

Арина встала в задних рядах толпы, пытаясь понять, что происходит. Сердце её бешено колотилось, а в груди что-то давило и жгло, будто кто-то сунул туда раскалённый камень.

– Что случилось-то? – наклонилась она к стоявшей рядом женщине, туго обмотавшей голову белым платком.

Та оглянулась на неё, перекрестилась и тихо ответила:

– Ефросинья это, блудница. На Покров замуж её за Петра выдали. Вон он, кнут из руки в руку перекладывает. Барин сам их благословил на доброе житье да детушек. Да вот не уберегла она честь свою. С сыном мельника Акима в лесочке застали её. Намедни это было. Бежать договаривались.

– Как бежать? Куда? – спросила Арина, рассматривая черноглазого хмурого мужика лет сорока с окладистой чёрной бородой и чувствуя, как мороз пробегает по спине.

– А кто ж знает, – вздохнула женщина. – Теперь не убегут. Акимушке сразу лоб забрили, да в солдаты отправили, а Ефросинью вот, по указанию барина, целную неделю каждый день принародно сечь будут. Чтоб другим неповадно было.

Арина почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она замерла на мгновение, не в силах поверить в услышанное. Это было что-то дикое, нечеловеческое, выходящее за пределы её понимания.

– Сечь? – переспросила она. – Принародно? Целую неделю?

– А как же? – удивилась женщина. – Так уж у нас заведено. У барина порядок строгий. Поймали бабу за грешным делом, тут же на козлы её волокут и секут, пока от греха не очистится.

Арина не верила своим ушам. Она смотрела на женщину, которую уже укладывали на козлы лицом вниз, и не могла поверить, что это происходит наяву. Ефросинья вырывалась, кричала, но дюжие парни держали её крепко, а из толпы к Петру вышел высокий, сутулый мужик с плетью в руке.

– Брат его старший... – зашумели в толпе. – С покоса для этой надобности вернулся...

– Боже мой, – прошептала Арина, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. – Этого не может быть. Просто не может быть.

– Чего не может быть? – удивилась соседка. – Так у нас исстари ведётся. Грех сотворил, кайся. А барин наш справедливый, он без дела не накажет.

– Фьють!

Арина зажмурилась и закрыла уши руками, но все равно слышала, как плеть со свистом рассекает воздух и с хлестким ударом опускается на спину Ефросиньи. Раздался вопль, такой пронзительный и жуткий, что у Арины внутри всё сжалось. Она открыла глаза и увидела, как плеть поднимается снова и снова опускается, а женщина на козлах дёргается и кричит.

– Матушка!!! А-а-а!!!

Крик Ефросиньи, жалобный и жуткий, как крик раненой птицы, раздирал знойный воздух. Плеть со свистом рассекала воздух и с глухим влажным ударом опускалась на обнажённую спину женщины, оставляя на ней багровые полосы. Толпа вокруг стояла молча, но в этом молчании чувствовалось жуткое, почти животное любопытство. Кто-то отворачивался, кто-то крестился, но никто не двигался с места.

Арина смотрела на это и чувствовала, как внутри неё поднимается тёмная, неуправляемая волна гнева и отчаяния. Она не могла больше молчать. Не могла смотреть на то, как человека с такой жестокостью истязают на глазах у всех, будто это нечто обыденное и допустимое.

– Люди, опомнитесь!!! – закричала она, вырываясь из толпы и расталкивая людей локтями. – Прекратите сейчас же! Вы что, звери? Как вы можете так с ней обращаться?

Она выбежала к козлам, не думая о том, что делает. Её глаза горели, руки тряслись, и она чувствовала, как кровь приливает к лицу. Двое парней, держащих Ефросинью, удивлённо обернулись, а мужик с плетью замер с занесённой рукой, глядя на неё с недоумением.

– Ты чего, девка? – пробасил он, опуская плеть. – Не твоего ума дело. Уйди подброду, не то и тебя отходим.

– Я не уйду! – крикнула Арина, бросаясь к нему и пытаясь выхватить плетё из его рук. – Не позволю вам издеваться над ней! Она человек! Она имеет право на жизнь без этого ужаса!

Мужик отшатнулся от неё с неожиданным испугом, но один из парней, держащих Ефросинью, отпустил женщину и шагнул к Арине. Он схватил её за плечо и грубо оттолкнул, и Арина, потеряв равновесие, отлетела в сторону, ударившись спиной о твёрдую землю.

В глазах потемнело, и она на мгновение перестала дышать от боли, но через секунду уже пыталась подняться, не обращая внимания на ссадины и ушибы. Толпа ахнула и отступила на шаг, а к ней уже бежала Акулина, расталкивая людей с той же яростью, с какой Арина только что вырывалась к козлам.

– Остановитесь! – крикнула Акулина, хватая Арину за руку и поднимая её с земли. – Она не в себе! Не трогайте её, ради Бога! Не берите греха на душу, больная она, юродивая!

Парень, оттолкнувший Арину, хотел было что-то возразить, но ключница так грозно на него взглянула, что он замолчал. Толпа загудела, но уже не так настойчиво. Акулина, подхватив Арину под руку, потащила её прочь от козлов, пока та ещё пыталась вырваться и что-то кричать.

– Пустите меня! – кричала Арина, брыкаясь. – Я не дам им! Это же нелюди! Как вы можете жить так?

– Молчи, молчи, – требовала Акулина, зажимая ей рот ладонью. – Молчи, Христа ради! Не ровен час, и тебя сюда же положат, дуру!

Она втащила её в клетушку, захлопнула за собой дверь, тяжело дыша. Арина рухнула на постель, чувствуя, как всё тело трясёт от напряжения, а перед глазами плывут тёмные круги. Она хватала ртом воздух, и в груди нарастала паника.

– Что вы за люди? – прошептала она, глядя в потолок. – Как вы можете жить так? Это же зверство, это же варварство...

Акулина молча смотрела на неё, а потом села рядом, на край постели, и тихо вздохнула.

– Молчи, говорю, – сказала она уже более спокойно. – У нас так исстари заведено. Грех – и наказание. Барин строг, но справедлив. А что ты выскочила, как бешеная, того делать не надобно.

– Но это же неправильно! – всхлипнула Арина, закрывая лицо руками.

Акулина покачала головой и встала. Она принесла откуда-то небольшой глиняный горшок и тряпицу и осторожно, стараясь не причинять боль, начала обрабатывать ссадины на теле Арины каким-то пахучим настоем.

– Наберусь я с тобой греха, – пробормотала она, макая тряпицу в тёмную жидкость. – Ох, наберусь. Ты, девка, лежи, не дёргайся. Раны надо заживить, чтобы гноя не было. А завтра и думать будем.

Арина лежала, не шевелясь, чувствуя, как прохладная влага успокаивает горящую кожу. Слёзы всё ещё текли по щекам, но она уже не пыталась их скрывать. Ей было страшно, больно и бесконечно одиноко. Она лежала и смотрела в низкий потолок, и мысли её путались, перемишиваясь с усталостью и отчаянием.

– Потерпи, – сказала Акулина, заканчивая обрабатывать раны. – Всё перемелется. А пока лежи, тебе надо отдохнуть. Ты бредишь, девка, жар у тебя.

Арина закрыла глаза. Сознание начало ускользать, и через мгновение она провалилась в тяжёлый, тревожный сон, в котором мелькали лица, голоса, плети и крики.

Ночь опустилась на деревню тёмной, густой пеленой. Луна спряталась за облаками, и только звёзды, бледные и холодные, освещали дворы и крыши. В клетушке было душно и тихо. Арина лежала на постели, и в её голове, туманной и болезненной, вдруг прояснилась одна мысль.

Река.

Река принесла её сюда. Она вынырнула из лунной дорожки, и её выбросило в это дикое, варварское время. А если она снова войдёт в воду, в ту же реку, в ту же лунную дорожку, то, может быть, она вернётся обратно. В свой мир. К своей жизни. К тому, что было для неё привычным и понятным.

Она приподнялась на локте, чувствуя слабость и ломоту во всём теле. В уголке у образов горела крошечная лампада, отбрасывая на стены дрожащие тени. Арина, стараясь не шуметь, встала с постели и накинула на плечи сарафан. Ноги всё ещё дрожали, но она заставила себя идти.

Дверь в клетушку была не заперта. Она выскользнула в коридор, потом во двор и, стараясь держаться в тени, двинулась к тропинке, ведущей к реке. Ночь была тихой и тёмной, и плеск воды, доносившийся откуда-то издалека, манил её к себе.

Она шла быстро, почти бежала, и дыхание её становилось всё более прерывистым. Камни и ветки больно впивались в босые ноги, но Арина не замечала боли. Её вела одна мысль: река, вода, лунная дорожка.

Когда она вышла к берегу, река встретила её прохладой и запахом тины. Луна, наконец, вынырнула из-за облаков, и её серебряный свет разлился по водной глади, образуя ту самую дорожку, по которой она плыла в ту ночь. Арина сбросила с себя одежду и подошла к самой кромке воды, чувствуя, как холодный песок и галька впиваются в подошвы.

– Я вернусь, – прошептала она, глядя на лунную дорожку. – Я должна вернуться.

Она сделала шаг в воду. Холод обжёг ноги, но она не остановилась. Второй шаг. Третий. Вода поднималась выше колен, выше бёдер, и Арина чувствовала, как она обнимает её. Обнимает как мать своё дитя.

– Я вернусь, – прошептала она, и в голосе её звучала мольба. – Я должна вернуться.

Она нырнула. Холод обжёг лицо, волосы распустились и поплыли вокруг неё, как водоросли. Она открыла глаза под водой и увидела, как лунный свет пронизывает толщу воды, создавая призрачные, танцующие тени. Арина гребла руками, пытаясь уйти глубже, туда, где, как она надеялась, находился проход между мирами. Но вода была плотной и упругой, и словно выталкивала её обратно, не позволяя нырнуть глубже.

Арина вынырнула, хватая ртом воздух, и снова нырнула, но результат был тем же. Вода держала её на поверхности, как невидимая рука, и каждый раз, когда она пыталась уйти в глубину, её выбрасывало обратно, будто сама река отказывалась принимать её.

– Нет! – закричала она, выныривая в очередной раз. – Нет, пустите меня! Я хочу домой! Я хочу вернуться!

Она била руками по воде, пытаясь пробить невидимую преграду, но всё было тщетно. Река не пускала её. Она держала её здесь, в этом времени, в этом мире, и не собиралась отпустить.

Уставшая, обессиленная и замёрзшая, Арина наконец перестала бороться. Она замерла на поверхности, глядя на лунную дорожку, которая всё так же тянулась к горизонту, такая же манящая и недостижимая, как мечта.

Она медленно поплыла к берегу. Каждое движение давалось с трудом, руки и ноги отказывались слушаться, и ей казалось, что она никогда не доберётся до земли. Но вот под ногами снова оказалось дно, и она, шатаясь, вышла на берег.

Вода стекала с её тела, и ночной ветер, пронизывающий и холодный, заставил её задрожать. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, подняла голову. И замерла.

На берегу, у высокого куста стоял мужчина и держал в руках её сарафан, который она сняла перед тем, как войти в воду.

Глава 6

Арина стояла на берегу, дрожа от холода и нервного напряжения, и смотрела на мужчину, который держал в руках её сарафан. Лунный свет озарял его лицо, делая черты резкими и почти скульптурными.

– Отвернитесь! – потребовала она.

Он улыбнулся – легко, чуть насмешливо, и в этой улыбке не было ни пошлости, ни осуждения.

– Что, и полюбоваться на себя не дашь? – спросил он, и голос его прозвучал мягко, почти игриво. – Откуда взялась такая?

– Одежду отдайте, – попросила Арина и добавила нетерпеливо: – пожалуйста.

Он шагнул к ней и протянул сарафан. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Арина, словно обжёгшись, быстро одёрнула руку и прикрылась сарафаном, прижав его к себе.

– Ну отвернитесь же...

Мужчина выполнил её просьбу, и она торопливо натянула сначала исподницу прямо на мокрое тело, потом рубаху и, наконец, сарафан. Ткань сразу же прилипла к телу, но Арина уже не чувствовала себя такой уязвимой.

– Всё, что ли? – поинтересовался незнакомец.

– Всё!

– Ну и что теперь делать будешь? – повернулся он, скрестив руки на груди и глядя на неё с любопытством.

– В людскую пойду, пока Акулина не заметила, что меня нет, – ответила Арина, поправляя волосы и пряча их под повойник.

– Побудь со мной, – неожиданно попросил он, и в голосе его послышалась такая искренняя просьба, что Арина остановилась. – Вон там, над обрывом с тобой посидим. У реки так хорошо ночью. Свежо. Тихо.

Арина заколебалась. Она смотрела на него, на этого незнакомца, и в его глазах не было ничего угрожающего. Только лёгкая грусть и какое-то странное, почти детское желание, чтобы она исполнила его просьбу.

– Хорошо, – тихо ответила она, и сама удивилась своему согласию. – Посидим немного. Но только недолго.

Они сели на берегу, на мягкой траве, влажной от вечерней росы. Позолоченная луна висела над ними и её свет струился по поверхности реки, превращая воду в расплавленную медь. Ночь была тихой и прозрачной, и только где-то далеко в лесу ухал филин, нарушая эту древнюю, всеобъемлющую тишину. Ветер, лёгкий и прохладный, доносил запах речной воды, цветущих трав и земли, и Арина впервые за последнее время почувствовала себя рядом с этим незнакомым мужчиной почти спокойно.

– Как звать-то тебя? – спросил он, поворачиваясь к ней.

– Арина, – ответила она, глядя на лунную дорожку, которая всё так же тянулась по воде к горизонту.

– Арина, – повторил он, пробуя имя на вкус. – Хорошее имя. А меня – Никита. Я конюхом у барина служу.

– Никита, – тоже повторила она, и в этом имени почувствовалось что-то родное и успокаивающее.

Они сидели молча несколько минут, глядя на реку. И вдруг в памяти Арины всколыхнулся ещё недавно летевший над этой безмятежной рекой женский вопль: «Матушка-а-а-а!!!».

– Никита, – сказала она, поворачиваясь к нему. – То, что сегодня случилось... С Ефросиньей... – она запнулась, чувствуя, как к горлу снова подступает ком. – Это же просто ужасно! Как вы можете терпеть такое?

Никита нахмурился и посмотрел на неё с недоумением.

– Так нешто хорошо мужу изменять? – спросил он, и в голосе его прозвучала лёгкая укоризна. – Баба должна быть верна своему мужу. Согрешила – ответ держать должна.

– Нет, – твёрдо сказала Арина, качая головой. – Нехорошо изменять, я с этим не спору. Но и казнить за это права никто не имеет. Никто! Ни муж, ни барин, ни даже Бог. Каждый человек имеет право на жизнь, на ошибку, на раскаяние. А то, что вы делаете – это зверство. Это варварство. Это дикость!

Никита смотрел на неё с удивлением, смешанным с чем-то похожим на восхищение.

– Ты странно говоришь, Арина, – сказал он, покачивая головой. – Где такие слова нашла? У нас так исстари заведено. Барин приказал, мы выполняем. А он у нас суровый, но справедливый.

– Справедливый?! – переспросила Арина, и в голосе её послышалась горечь. – Что-то не верится. Видела я его сегодня, когда он мимо реки проезжал. Страшный у вас барин, злой. Лицо такое, будто никогда не улыбался. Как вы можете терпеть всё это? Как живёте с этим?

Никита помолчал, глядя на воду, и в его глазах мелькнула тень грусти.

– Так не каждый барин плох да злобен, – ответил он наконец. – Есть и добрые. Граф наш хоть и строг, но справедлив. Коли виноват – накажет, но коли прав – и защитит. Живём мы под его защитой, и другого не знаем. А вообще, странные речи ты говоришь, Арина. Словно из другого мира пришла.

Она вздрогнула, услышав эти слова, но ничего не ответила.

– Постой! – заговорил Никита снова. – А не ты ли на защиту Ефросиньи бросалась? Сам-то я не видел. А мужики на конюшне сказывали.

– Я, – вздохнула Арина. – Да только что толку. Всё равно ведь её высекли, и завтра, вроде как, сечь будут.

– А ещё я слышал, что юродивой тебя называют. Как будто с ума ты свихнулась, – продолжал Никита, с любопытством разглядывая девушку.

– Свихнешься тут с вами, – вздохнула Арина и поднялась, отряхивая сарафан.

– Надо же, – покачал головой Никита, – а по виду и не скажешь... Придёшь завтра? – спросил он, беря её за руку.

– Зачем? – не поняла Арина.

– Ну, посидим вот так. Хорошо же...

– Хорошо, – согласилась Арина, и было непонятно, то ли ей действительно понравилось сидеть над рекой, то ли она пообещала завтра снова прийти к нему на свидание.

Она повернулась, чтобы уйти, но он удержал её.

– Проводить тебя?

– Нет, – Арина выдернула свою руку и усмехнулась. – Сама дойду. А то мало ли, что у вас тут бывает за провожание.

Никита удивлённо поднял бровь, и в его глазах мелькнуло недоумение.

– У вас тут? – переспросил он, но она только махнула рукой и, не оборачиваясь, быстро пошла к усадьбе, оставляя его одного на берегу.

Арина скользнула в людскую и, стараясь не шуметь, открыла дверь своей клетушки. А там быстро разделась и легла на постель, чувствуя, как усталость волной накрывает её с головой. Вот бы проснуться в своём мире, простом и понятном, где нет ничего из того, что есть здесь...

Не додумав эту мысль, Арина провалилась в глубокий, тяжёлый сон, в котором не было ни снов, ни лиц, ни звуков – только чернота и пустота. И почти сразу открыла глаза, почув-

ствовав, как чья-то рука настойчиво трясёт её за плечо, а голос, резкий и требовательный, пробивается сквозь непроглядный туман усталости.

– Вставай, девка! – говорила Акулина, не давая ей ни мгновения передышки. – Заспала ты всё на свете! Солнце уже встало, а ты дрыхнешь, как медведь в берлоге! Вставай, говорю! Али маковой воды обпилась?

Арина с трудом разлепила веки. Голова гудела, тело ломило от вчерашних падений и ссадин, а каждая мышца ныла так, будто её били палками. Она попыталась приподняться и встать, но ноги подкосились, и она снова упала на постель.

– Ещё немного, – прошептала она, закрывая глаза. – Я не могу...

– Да что ж за наказание Господне! – не унималась Акулина, дёргая её за руку. – Ты не в хоромах, чай, и не барыня, чтобы до обеда в постели валяться. Прознает барин про твою лень, так и тебе, и мне не поздоровится. Для того он меня сюда и поставил, чтобы я за вами приглядывала да делами нагружала, негоже с утра до ночи бездельем маяться. Вставай, приводи себя в порядок, и за работу.

Арина села, чувствуя, как перед глазами всё плывёт. Она провела ладонью по лицу и с трудом встала на ноги. В комнатухе было душно и темно, и только через приоткрытую дверь пробивался слабый свет нового дня.

– Умойся, – велела Акулина, кивая на стоящий в углу таз с водой. – И одевайся поживее. Сегодня у меня для тебя дело есть. Полы в людской мыть, лавки скоблить, столы чистить.

Арина кивнула, чувствуя, как от одной этой мысли у неё подкашиваются ноги. Но спорить с ворчливой ключницей было бесполезно, и, собрав всю свою волю в кулак, принялась за утренние процедуры.

Вода в тазу была холодной, и, когда она умылась, по телу пробежала дрожь, но это помогло ей немного прийти в себя. Она оделась в тот же сарафан, что был на ней вчера, и вышла за Акулиной в людскую.

– Акулина Ивановна, – обратилась она к ключнице, стараясь говорить вежливо. – А где у вас можно взять швабру? Ну, чтобы полы помыть.

Акулина остановилась и уставилась на неё так, будто она произнесла что-то на неведомом языке. На её лице отразилось сначала недоумение, а потом раздражение.

– Опять блажишь, девка? – сурово спросила она, поднимая корзину с яблоками. – Какую такую швабру? Шабров знаю. А про швабров, сколько лет живу, ни разу не слыхивала. По-людски полы мыть положено.

– Это как? – растерялась Арина.

– А так, – ответила Акулина, подходя к печи и доставая оттуда большой мешок. – Дресвой посыпать надо, али песком речным, а потом мокрой тряпкой тереть. Вот так, как исстари повелось. Вон дресва, в мешке стоит. И голову мне больше не дури...

Арина вздохнула. Она взяла мешок с дресвой, насыпала несколько горстей на мокрый пол и, опустившись на колени, принялась тереть.

Было уже далеко за полдень, когда Арина, падая с ног от усталости и боли в руках, почувствовала, как у неё начинает кружиться голова. На нежных ладонях давно выступили красные, натёртые до крови мозоли, но она стиснула зубы и продолжила работу, не желая больше терпеть чужие насмешки.

Выполоскав тряпку, она наклонилась к полу и, пятясь задом, стала вытирать его, двигаясь к двери. Но вдруг она наткнулась на что-то твёрдое и большое, а через мгновение чьи-то руки, грубые и сильные, хлопнули её по заду и крепко обхватили за талию.

Арина вскрикнула и резко выпрямилась. Перед ней стоял мужик – высокий, широкоплечий, с чёрной бородой, которая закрывала почти всё лицо, и с хитрыми, плутоватыми глазами.

Он ухмылялся, обнажая жёлтые зубы, и в его взгляде было что-то такое, от чего Арине стало не по себе.

– Ой! – воскликнула она, отступая на шаг. – Что ты делаешь? А ну-ка, руки убрал!

Мужик усмехнулся и скрестил руки на груди, разглядывая её с явным интересом.

– Ты чья такая пугливая, красавица? – спросил он низким и хриплым голосом. – Жениться хочу, вот со всех сторон к бабам и присматриваюсь. Дай ещё раз пощупаю, может, ты мне как раз и подойдёшь?

Арина почувствовала, как в груди закипает гнев. Она перехватила тряпку наперевес и сдвинула брови.

– Ещё раз руки протянешь, – сказала она, глядя на него в упор, – вытянешь ноги. Я не шучу.

Мужик удивлённо поднял брови и громко расхохотался.

– Грозна! – протянул он, покачивая головой. – Да откуда ты взялась такая? Чьих будешь? Чья?

– Ничья, – ответила Арина, не сводя с него глаз. – Но это не значит, что я позволю себя лапать кому попало.

– Ай, горячая девка, – усмехнулся мужик, и в его голосе послышалась уже не насмешка, а любопытство. – Как кобылка необъезженная, с норовом. А ну, – крикнул он, поворачиваясь к двери, – Акулина Ивановна, подь-ка сюды!

Через секунду в горницу вбежала Акулина. Она посмотрела на мужика, потом на Арину и, догадавшись, что неугомонная девка опять что-то натворила, всплеснула руками.

– Ермолай Иванович! – воскликнула она, низко кланяясь. – Простите её, Христа ради. Она у нас приبلудная, ничего не знает. Вчерась ещё барин из лесу привёз, без памяти лежала. Вот я её к работам приставила, чтобы не бездельничала. Она неразумная, придурошная малость, не сердчайте на неё.

– Придурошная, говоришь? – протянул мужик, оглядывая Арину с ног до головы. – А выглядит вполне себе смышлёной. И говорит складно, хоть и странно. Что ж, пусть живёт. Но чтоб мне грубить не смела. А то поучить придётся, мигом умнее станет.

Он усмехнулся, ещё раз окинул Арину взглядом, и, повернувшись, вышел из людской. Акулина выдохнула с облегчением и повернулась к Арине.

– Ты что ж это, девка, ума лишилась? – зашипела она, подходя к ней почти вплотную. – Ты знаешь, кто это был? Главный приказчик барина! Ермолай Иванович! Он тебя в два счёта в дугу согнёт, и тут уж я тебе не помощница. С ним так нельзя. Никак нельзя. Он барина правая рука, и ежели он на тебя зуб заточит – пропала твоя головушка.

– Да лучше без головы остаться, чем такому позволить лапать себя! – возмутилась Арина. – Нет уж, пусть он ко мне лучше не подходит.

– Смотри, барыня какая! – махнула рукой Акулина. – Мужик есть мужик. Ну ущипнул разок. Ты уж потерпи, не перечь. А то беды наживёшь. Умнее будь...

Арина опустила голову и молча взялась за тряпку.

– Буду умной, – тихо сказала она себе. – И если он ещё раз меня тронет, я ему руку сломаю. Чтоб тоже поумнел.

К концу дня Арина едва стояла на ногах, но, когда она подошла к Акулине и показала свои израненные руки, та только покачала головой.

– Ох и неженка ты, прям как барыня, – сказала она. – Ну да ничего. Первое время трудненько придётся, а потом привыкнешь. Руки загрубеют, мозоли сойдут. Ты, главное, не ленись, и всё будет хорошо.

Арина хотела ответить ей что-то резкое, но сил не было. Она едва прикоснулась к ужину, с трудом прожевав пахнущую чем-то непривычным кашу, без лучины добрела до своей кле-

тушки и, не раздеваясь, рухнула на постель. В глазах её сразу же потемнело, и она провалилась в тяжёлый и непроглядный сон.

Напрасно Никита стоял на берегу реки, глядя на тропинку, по которой она должна была прийти. Он ждал её долго. Луна уже поднялась высоко, озаряя серебряным светом речную гладь, а её всё не было. Первые петухи начали перекликаться в предрассветной мгле, когда Никита, наконец, понял, что она не придёт.

Он тяжело вздохнул и отвернулся от реки, глядя на людские постройки усадьбы, скрывавшие эту странную девушку. И он ушёл, оставляя за спиной поблёкшую лунную дорожку, которая всё так же тянулась по воде к горизонту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.